

Н.М. Благовещенский

Гораций и его время

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.М. Благовещенский**
Гораций и его время / Н.М. Благовещенский – М.: Книга по Требованию, 2026. –
232 с.

ISBN 978-5-4241-6604-4

ISBN 978-5-4241-6604-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе уже давно было напечатано въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ періодическихъ изданій (въ Отеч. Зап. и въ Русскомъ Вѣстн.) и въ Актахъ Петербургскаго Университета. Тщательно пересмотрѣвъ и значительно дополнивъ эти разбросанныя изслѣдованія, въ которыхъ Горацій является политическимъ дѣятелемъ, частнымъ человѣкомъ и главою литературной школы, я рѣшилъ издать ихъ отдѣльною книгой, въ полной увѣренности, что сколько нибудь добросовѣстные монографіи, по предметамъ классической древности, могутъ принести нашимъ образованнымъ читателямъ свою долю пользы. Можетъ быть, иные думаютъ, что для русской литературы не наступило время подобныхъ монографій, такъ какъ она до сихъ поръ еще не имѣетъ даже простыхъ и сколько нибудь замѣчательныхъ учебниковъ по наукамъ, относящимся къ области классической филологіи. Я не раздѣляю этого мнѣнія. Мнѣ кажется, что у насъ много еще нужно трудиться для того, чтобы возбудить въ массѣ читателей любовь къ изученію древняго міра, а этого, по моему убѣжденію, мы достигнемъ скорѣе всестороннимъ уясненіемъ отдѣльныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ этому міру, чѣмъ сухими учебниками, пользы которыхъ я, разумѣется, нисколько не отвергаю. Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ довольно найдется образованныхъ людей, достаточно подготовленныхъ къ чтенію такихъ книгъ, какъ «Горацій и его время», такъ какъ это сочиненіе имѣетъ въ виду не отдѣльный какой нибудь и специальный вопросъ, а цѣлый, и притомъ самый интересный и наиболѣе всякому знакомый періодъ римской исторіи. Еще больше нуждаются у насъ въ подобныхъ книгахъ молодые люди, изучающіе классическую древность не только въ университетахъ, но и въ гимназіяхъ. Этихъ читате-

лей я преимущественно имѣлъ въ виду при изданіи моего «Горация». Здѣсь они могутъ, между прочимъ, близко познакомиться съ значительною частію сатиръ и посланій римскаго поэта, которыя я старался передать на русскій языкъ почти въ дословномъ переводѣ. Что же касается лирическихъ произведеній Горация, то я постоянно приводилъ ихъ въ переводѣ г. Фета, желая придать моему сочиненію болѣе оживленный характеръ. Этотъ переводъ, конечно, нисколько не выдерживаетъ филологической критики, но, во всякомъ случаѣ, пріятно, что за такое дѣло взялся замѣчательный художникъ. Надѣюсь, наконецъ, что и преподаватели латинскаго языка, особенно тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ отдаленныхъ провинціяхъ и лишены возможности имѣть подъ рукою значительный запасъ разныхъ научныхъ пособій, благосклонно примутъ посильный мой трудъ, не смотря на всѣ его недостатки. Если эти преподаватели признаютъ, что онъ значительно облегчаетъ знакомство съ тѣмъ изъ римскихъ поэтовъ, произведенія котораго уже давно сдѣлались настольною книгою въ нашихъ гимназіяхъ, то цѣль моя будетъ вполнѣ достигнута. Я не имѣлъ притязанія провѣрить все, что до сихъ поръ было писано о Горации, считая подобный трудъ не только лишнимъ, но и невозможнымъ. Уже въ «Bibliotheca Horatiana», которая появилась въ 1775 г., въ Лейпцигѣ, перечень сочиненій, относящихся къ Горацию, занялъ 160 стр. Можно себѣ представить, какіе огромные размѣры принялъ бы этотъ каталогъ въ настоящее время! Множество сочиненій о Горации, на которыя я ссылаюсь въ моей книгѣ, составляютъ только малую долю того, что написано объ этомъ поэтѣ. Впрочемъ, ихъ совершенно достаточно было для окончательнаго уясненія моего собственнаго взгляда на главнаго представителя золотого вѣка римской литературы. Могу сказать, что это тотъ самый взглядъ, который, относительно личности Горация, господствуетъ въ современной наукѣ.

ГОРАЦІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

1.

«Потомство всегда справедливо. Правда, вначалѣ оно передаетъ хвалу и порицаніе въ томъ же видѣ, въ какомъ получаетъ ихъ отъ предшествующаго времени, но потомъ, мало-по-малу, устанавливаетъ имъ настоящую цѣну. Считаться при жизни или даже постои́тїа послѣ смерти великимъ человѣкомъ еще не доказательство истиннаго величія; но считаться такимъ человѣкомъ изъ вѣка въ вѣкъ— доказательство неопровержимое. Точно такъ же и наоборотъ. Писатель не читается своими современниками и ихъ внуками: это несчастіе, но еще не доказательство его негодности. Только тогда, когда внуки внуковъ не получаютъ охоты къ чтенію этого писателя, дѣлается очевиднымъ, что онъ никогда не заслуживалъ быть читаемымъ ¹⁾).

«Потомство не можетъ также вѣчно не признавать доблестей и пороковъ. Я очень хорошо понимаю, что первыя могутъ быть продолженіе извѣстнаго времени запятнаны, а вторыя изукрашены; но, что этому суждено быть такъ всегда, не допускаетъ меня вѣрить высшій разумъ, приводящій все въ гармонію, священные слѣды котораго я открываю даже въ томъ, что находится въ зависимости отъ людской прихоти. Этотъ высшій разумъ являетъ отъ

¹⁾ Это послѣднее явленіе встрѣчается въ литературахъ образованныхъ народовъ гораздо-рѣже, чѣмъ первое. Особенно рѣзкимъ примѣромъ долговременнаго непониманія гениальности писателя служитъ Шекспиръ, и его-то, можетъ быть, имѣлъ въ виду знаменитый нѣмецкій критикъ, которому принадлежать приведенныя слова.

времени до времени людей, для которыхъ нѣтъ большаго наслажденія, какъ вооружаться противъ людскихъ предразсудковъ и показывать все въ настоящемъ свѣтѣ, хотя бы при этомъ предполагаемый герой добродѣтели долженъ былъ превратиться въ злодѣя, а злодѣй въ героя добродѣтели. Я самъ-частичка — хотя бы и трильйонная частичка — потомства (въ отношеніи къ людямъ прежнихъ поколѣній), не знаю другаго болѣе пріятнаго занятія, какъ обозрѣвать имена знаменитостей, изучать ихъ права на безсмертіе, смывать съ нихъ незаслуженныя пятна и живую подмазку, которою прикрыты ихъ слабости — словомъ, въ мірѣ нравственномъ дѣлать то же, что физически исполняетъ человѣкъ, которому ввѣренъ надзоръ надъ картинною галлереей.

«Такой человѣкъ обыкновенно между множествомъ картинъ находитъ нѣсколько такихъ, которыя онъ любитъ предпочтительно предъ прочими и на которыя онъ не дастъ сѣсть ни одной пылинкѣ. Я остаюсь при своемъ сравненіи и говорю, что уважаю нѣкоторыхъ гениальныхъ людей до того, что не допущу, на сколько это отъ меня зависитъ, клеветѣ тяготѣть на ихъ памяти».

Такимъ великимъ человѣкомъ былъ для Лессинга Горацій и приведенныя слова гениальный нѣмецкій критикъ помѣстилъ почти въ самомъ началѣ своей извѣстной статьи, написанной въ защиту римскаго поэта ²⁾. Всѣ знаменитые филологи нашего времени, глубоко изучившіе творенія Горація и эпоху, которой онъ является главнымъ представителемъ въ литературѣ своего народа, вполне раздѣляютъ съ Лессингомъ это высокое мнѣніе о его любимцѣ. Виландъ, Фридрихъ Якобъ, Пассовъ, Цумптъ, Валькнеръ, Веберъ — все это жаркіе сторонники Горація, проникнутые безграничнымъ уваженіемъ къ его личности, какъ человѣка и писателя. Я называю здѣсь только ученыхъ, и то далеко не всѣхъ, посвятившихъ особыя монографіи изученію нашего поэта, и умалчиваю о комментаторахъ и издателяхъ Горація, перечень которыхъ до безконечности увеличилъ бы списокъ его почитателей ³⁾. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ и Нибура (въ его недавно изданныхъ лекціяхъ о римской исторіи).

²⁾ См. Lessing's sämtliche Schriften. 4 Bd., стр. 199. Berlin, 1825. Статья, на которую мы указываемъ, называется «*Rettungen des Horaz*».

³⁾ Виландъ, впрочемъ, не написалъ особой монографіи о Гораціи, но взглядъ этого знаменитаго знатока классической древности на римскаго поэта ясно высказывается во многихъ примѣчаніяхъ къ сатирамъ и пославіямъ Горація. Указываемъ въ-особенности на замѣчательное введеніе

Въ то же время ни одинъ изъ писателей древности не подвергался такимъ ожесточеннымъ нападкамъ, со стороны чистоты своихъ нравственныхъ убѣжденій, какъ Горацій. Духъ партіи, невѣжество, заносчивость, тупоуміе—все соединилось въ одинъ голосъ для того, чтобъ унизить въ глазахъ общества челоуѣческое достоинство знаменитаго друга Мecenата и Августа ⁴⁾. Эти порицатели Горація большею частью люди, которымъ римская древность знакома только по слухамъ. Между ними, сколько намъ извѣстно, довольно видное мѣсто въ наукѣ занимаютъ въ настоящее время только Шмидтъ ⁵⁾ и Тейфель, рѣзкій отзывъ котораго о римскомъ

Виланда къ 1-му посланію Горація II-й книги. См. Horazens Briefe etc. von Wieland. Leipzig, 1790. II Th., въ самомъ началѣ. Въ V-мъ томѣ «Vermischte Schriften» Якобса (Leipzig 1834) помѣщенъ цѣлый рядъ не большихъ, но изящныхъ статей его о Гораціи. См. въ-особенности стр. 318 и слѣд. Пассовъ предположилъ изслѣдованіе о Гораціи, подъ заглавіемъ: «Q. Horatius Flaccus», своему изданію посланій римскаго поэта (текстъ и нѣмецкій переводъ), которое появилось въ Лейпцигѣ, въ 1833 году. Разсужденіе Пумпта, подъ заглавіемъ, «Ueber das Leben des Horaz und die Zeitfolge seiner Gedichte, namentlich der Satiren», помѣщено какъ введеніе къ сатирамъ Горація, изданнымъ Вюстеманномъ. Эта книга, составляющая переработку гейндорфова изданія сатиръ Горація, появилась въ Лейпцигѣ, въ 1843 году. Сочиненіе Валькнера (въ 2-хъ томахъ) «Histoire de la vie et des poésies d'Horace etc... par M. le baron Walckenaer, membre de l'Institut de France (Paris 1840) замѣчательно во многихъ отношеніяхъ... Здѣсь рядомъ съ французскою фразою, отъ которой не всегда могъ удержаться авторъ, мы находимъ очень живое и изящное изложеніе предмета. Притомъ авторъ вездѣ выказываетъ знакомство свое съ нѣмецкою ученою литературою, незнаніе которой составляетъ, какъ извѣстно, слабую сторону очень-многихъ французскихъ филологовъ. Замѣчательная монографія Вебера издана подъ заглавіемъ: Q. Horatius Flaccus als Mensch und Dichter. Jena, 1844. Долгомъ считаемъ замѣтить, что ученымъ и копотливымъ изслѣдованіямъ Вебера, мы въ особенности обязаны многими подробностями о Гораціи, которыя читатели найдутъ въ предлагаемой статьѣ. Образцомъ взгляда англійскихъ ученыхъ на Горація можетъ отчасти служить статья, помѣщенная въ «Современникѣ» 1851 г. (въ мартовской книжкѣ), подъ заглавіемъ: «Горацій и его время.» Статья эта переведена изъ «Edinb. Review.» Авторъ ея горячо стоитъ за Горація. На другія сочиненія о Гораціи, которыя я имѣлъ подъ рукою, будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

⁴⁾ Здѣсь, разумѣется, идетъ рѣчь не о нашей литературѣ, гдѣ еще не было ни одного сочиненія о Гораціи, которое бы обязало въ авторѣ серьезное и внимательное изученіе римскаго поэта, а о богатыхъ литературахъ Запада.

⁵⁾ Gesch. der Denk- und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christenthums. Berlin 1847. Лучшіи историкъ

поэтъ вызвалъ недавно строгое и справедливое осужденіе въ нѣмецкой ученой критикѣ ⁶⁾. Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что впослѣдствіи, при болѣе зрѣломъ и внимательномъ изученіи твореній Горація, Тейфель убѣдился въ необходимости измѣнить или, по крайней мѣрѣ, значительно смягчить свой пристрастный и завосчивый взглядъ на римскаго поэта. Въ Германіи труднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, безнаказанно упорствовать въ ложномъ взглядѣ на предметъ. Тамъ уже давно всѣ истинно-просвѣщенные писатели согласны въ томъ, что всякій ученый трудъ, съ притязаніемъ на прочное значеніе въ наукѣ, не долженъ быть отголоскомъ мнѣній какой-нибудь школы, или партіи, не долженъ быть рассчитываемъ на одобреніе ежедневно мѣняющагося мнѣнія и взгляда на вещи, а долженъ являться результатомъ добросовѣстнаго изученія предмета и плодомъ убѣжденія, всегда почтеннаго, если толь-

римской литературы, Бернгарди, опровергаетъ взглядъ Шмидта въ своемъ Grundriss der röm. Literatur на стр. 222, прим. 172 и стр. 250, прим. 193.

⁶⁾ См. Charakteristik des Horaz v. Wilhelm S. Teuffel. Leipzig, 1842.— Странный взглядъ Тейфеля на Горація былъ вполне опровергнутъ, въ особенности Любкеромъ (въ Neue Jen. Literaturzeit., въ 1842 г., № 299) и Веберомъ (въ Hallische Allgem. Literaturzeit. 1843 г., въ августовской тетради). Вслѣдствіе этихъ критическихъ статей, взглядъ автора на Горація значительно измѣнился. Тейфель, между-прочимъ, послалъ къ Веберу письмо, въ которомъ старался его увѣрить, что нисколько не имѣлъ цѣлью нарушить уваженіе къ такой значительной и геніальной личности, какъ Горацій. См. объ этомъ у Вебера, въ предисловіи къ его монографіи о Гораціи, стр. IX—X. Въ слѣдующемъ (1843) г., Тейфель издалъ въ Тюбингенѣ новую брошюру (отдѣльный оттискъ статьи о Гораціи, приготовленной для «Реальной Энциклопедіи» Паули), подъ заглавіемъ: Horaz. Eine literarhistorische Uebersicht v. W. S. Teuffel». На стр. 5-й предисловія къ этой брошюрѣ авторъ благодаритъ своихъ критиковъ (въ особенности Любкера) за то, что они уяснили ему вопросъ о значеніи Горація. Тейфель признается, что прежній его взглядъ на этого поэта невѣренъ и произошелъ отъ смѣшенія античной лирики съ новѣйшею (Die Verwechselung von antiker und moderner Lyrik.) Въ отношеніяхъ Горація къ Августу, авторъ признаетъ (стр. 16) искренность и чистоту убѣжденій римскаго поэта и ставитъ его, какъ нравственнаго человѣка, выше Виргилія и Овидія. Вообще въ разсматриваемомъ трудѣ Тейфеля мы не встрѣчаемъ больше выраженій въ родѣ «Kammerdienerische Lebensansicht», то-есть камердинерскій, или лакейскій взглядъ на жизнь (изъ чего, впрочемъ, еще не слѣдуетъ, что Горацій былъ сыномъ *римскаго камердинера*, какъ выразился не очень давно одинъ изъ нашихъ почтенныхъ ученых), какими наполнена первая его брошюра. Мы не безъ цѣли распространились здѣсь о Тейфелѣ. Его воззрѣніе на Горація, отъ котораго, какъ мы видѣли, онъ самъ впослѣдствіи отрекся, отчасти про-

ко источникъ его чистъ и не загрязненъ примѣсю постороннихъ побужденій, неизмѣющихъ ничего общаго съ наукой ⁷⁾).

Нѣкоторые издатели Горація также немало способствовали невыгодному мнѣнію о личности нашего поэта. Нужно признаться, что между ними немало встрѣчается людей, которымъ, при объясненіи древнихъ классиковъ, не слѣдовало бы идти дальше грамматическаго толкованія разныхъ словъ и оборотовъ, представляющихъ болѣе или менѣе трудностей въ этомъ отношеніи. Одного изъ послѣднихъ издателей Горація, Орелли, можно также упрекнуть въ несправедливости къ этому писателю; но въ особенности этому упреку подлежитъ Дѣрингъ и нѣкоторые другіе составители такъ-называемыхъ школьныхъ изданій, нерѣдко открывающіе въ произведеніяхъ Горація слѣды лести Августу тамъ, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ ⁸⁾).

Осуждая Горація, мы осуждаемъ всѣхъ лучшихъ представителей самаго блестящаго періода римской литературы. Горацій стоитъ въ этой литературѣ не отдѣльно отъ другихъ, не одиноко. Онъ членъ знаменитой семьи поэтовъ, проникнутыхъ однимъ убѣжденіемъ, къ которой принадлежатъ лучшіе и возвышенные умы современнаго ему общества: Виргилій, Варій Руфъ, Проперцій, Овидій— всѣ эти (употребимъ выраженіе нашего поэта) *viri Mercuriales*, писатели, безъ которыхъ римская древность лишилась бы столько своего обаянія, а римская литература, конечно, не заслуживала бы того восторженнаго изученія, какое выпало ей на долю въ новомъ

никогда и въ нашу литературу, что легко замѣтать тѣ, которые внимательно слѣдятъ за ея ходомъ. Мы бы желали избѣгнуть полемики, но готовы твердо стоять за тотъ взглядъ на Горація, который выработался въ умѣ лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей современной науки, хотя бы пришлось при этомъ ратовать противъ людей, нами уважаемыхъ.

⁷⁾ Повторяемъ здѣсь мысль, которую высказалъ Шлоссеръ, въ предисловіи къ своему извѣстному сочиненію: «Universalhistorische Uebersicht der Geschichte der alten Welt», Frankfurt a. M. 1830.

⁸⁾ Для доказательства ограничимся однимъ примѣромъ, хотя ихъ можно привести множество. Такъ Горацій въ началѣ посланія къ Юлію Флору (I, 3), находившемуся въ свитѣ Клавдія Тиберія Нерона, который управлялъ въ то время Сиріей, обращается къ своему пріятелю съ слѣдующими словами: «Мнѣ хочется знать, Юлій Флоръ, въ какихъ странахъ ратуетъ теперь Клавдій, пасынокъ Августа?» Дѣрингъ замѣчаетъ къ этому мѣсту, что не было никакой нужды въ словахъ «пасынокъ Августа», и что Горацій пользуется только случаемъ съ почетомъ (?) упомянуть объ Августѣ. Нелѣпость такой придиранки до-того очевидна, что мы оставимъ ее безъ всякаго опроверженія.

мірѣ. Прежде чѣмъ произнесемъ рѣзкій судъ надъ этими знаменитыми именами... подумаемъ немного. Не-уже-ли все это не больше, какъ льстецы и рабы Августа? Или Римъ и его слава были имъ болѣе чужды, чѣмъ нашему времени? или они не досмотрѣли того, что видимъ мы съ высоты нашего воображаемаго величія?

Горацій льстецъ; но кто же послѣ этого не льстецъ? Ограничимся примѣрами изъ римской литературы и спросимъ: какъ можно лести Горація сравнить съ лестью Овидія Августу, Лукана (въ первыхъ книгахъ Фарсалии) Нерону, Марціала и Стація — Домиціану? Не говоримъ о другихъ писателяхъ, напримѣръ, о Веллеѣ Патеркулѣ и Валеріи Максимѣ, которые стараются представить намъ какимъ-то героемъ Тиберія. А Ціцеронъ? Загляните въ его рѣчи: какой лести и какихъ укоровъ, смотря по обстоятельствамъ, вы не найдете тамъ Суллѣ, Помпею и Цезарю? Горацій славилъ Августа менѣе, чѣмъ суровый его предшественникъ — Сципіона. Луцилій, какъ извѣстно, посвятилъ цѣлую поэму на увѣковѣченіе памяти о подвигахъ своего героя. Но Сципіонъ, скажутъ намъ, оказалъ великія услуги Риму; а развѣ Августъ не оказалъ ихъ своему государству? Горацій не льститъ Августу, когда говоритъ, что онъ заперъ храмъ Януса, успокоилъ міръ, унизилъ враговъ Рима и доставилъ ему уваженіе въ отдаленнѣйшихъ странахъ: все это историческая правда и, слѣдовательно, не лести. Притомъ мы не должны забывать, что, славя Августа, Горацій не боялся въ то же время открыто славить Катона и Брута, и въ этихъ двухъ непримиримыхъ, повидимому, крайностяхъ, какъ мы надѣемся доказать, не было, по отношенію къ нашему поэту, никакого психологическаго противорѣчія. Горацій — мы убѣждены въ этомъ — искренно чувствовалъ услуги, оказанныя Августомъ его родинѣ и, что главное, видѣлъ эти услуги близко, при самомъ ихъ источникѣ, а это много значитъ.

Новыхъ читателей Горація, особенно не-вполнѣ-знакомыхъ съ условіями древне-классическаго быта, непріятнѣе всего, разумѣется, должна поражать апофеозъ Августа, встрѣчаемая въ твореніяхъ римскаго поэта, напримѣръ, въ его одахъ. Мы еще возвратимся къ вопросу о значеніи ея въ древности, но и теперь имѣемъ полное право спросить: справедливо ли смотрѣть на это явленіе съ нашей точки зрѣнія? Не ведетъ ли такой взглядъ къ искаженію исторіи? Кто же въ наше время не понимаетъ, что историческая критика должна быть примѣняема не только къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, но и нравственнаго характера ихъ авторовъ,

особенно принадлежащихъ вѣкамъ отдаленнымъ и подчиненнымъ многоразличнымъ условіямъ, нисколько-непохожимъ на тѣ, подъ вліяніемъ которыхъ развивается современный намъ бытъ? Вообще, требовать отъ древняго писателя, чтобъ онъ былъ героемъ нашего времени, смотрѣть на него съ высоты того идеала, который мы имѣемъ о нравственномъ человѣкѣ, было бы крайне неразумно. При такомъ судѣ ни одинъ изъ древнихъ писателей — если только мы взглянемъ на него не поверхностно, а постараемся, насколько это возможно, проникнуть въ изгибы его сердца — не выдержитъ нашей критики. Мы далеки отъ мысли ставить нашъ вѣкъ слишкомъ-высоко въ нравственномъ отношеніи; но кто же не согласится, что современный человѣкъ имѣетъ всѣ средства стоять не только умственно, но и нравственно выше древняго человѣка, который даже въ религіи не могъ найти твердой опоры для своей колеблющейся совѣсти. Христіанство, рыцарство, страшныя потрясенія, безплодно-прошедшія для исторіи, карающій голосъ общественнаго мнѣнія — вотъ великія выгоды и нравственныя завоеванія нашего вѣка, которыхъ не имѣлъ древній міръ.

Мы нисколько не намѣрены возводить личность Горація въ идеалъ добродѣтели, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые слишкомъ-усердныя его защитники. Горацій, безъ-сомнѣнія, не избѣгъ многихъ человѣческихъ слабостей, и мы даже готовы признать слѣды ихъ въ его пропзведеніяхъ; но это нисколько не мѣшаетъ намъ смотрѣть на него, какъ на человѣка, честно и благородно-исполнившаго свое призваніе. Мы вполне согласны съ Тейфелемъ въ томъ, что Горацій не герой (*Horaz ist kein Held*), но съ условіемъ, впрочемъ, что герои вообще большая рѣдкость между людьми. Человѣкъ болышею-частью является намъ смѣшеніемъ добраго начала съ недобрымъ, и безусловнаго совершенства мы не ищемъ подлunoю, или, по крайней мѣрѣ, не требуемъ его отъ всякаго историческаго дѣятеля. Не признавая Горація героемъ, мы, однако, убѣждены въ томъ, что выставить его замѣчательною нравственною личностью, съ тѣми привлекательными качествами, которыя высоко цѣнятся и въ современномъ намъ человѣкѣ, гораздо-легче, чѣмъ не только Сенеку и Саллюстія, но даже Демосоена и Цицерона.

Кромѣ лести Меценату и Августу, римскаго поэта обвиняютъ еще во многомъ другомъ: въ развратѣ, въ эгоизмѣ, въ недостаткѣ воинскаго мужества и т. д. О степени справедливости этихъ обвиненій подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, а теперь только

замѣчу, что всѣ они, по отношенію къ Горацию, занимаютъ въ ихъ глазахъ второстепенное мѣсто.

Главное обвиненіе, до-сихъ-поръ еще повременамъ слышное въ европейской наукѣ и, по мнѣнію многихъ, лежащее несмыслаемымъ пятномъ на памяти Горация—это его отступничество отъ того дѣла, за которое онъ, при первой своей встрѣчѣ съ жизнью, ухватился съ такимъ горячимъ и благороднымъ порывомъ юности. Дѣйствительно, въ жизни Горация мы встрѣчаемъ двѣ эпохи, въ которыя онъ является намъ совершенно другимъ человекомъ. Жаркаго приверженца Брута и Кассія, сражавшагося при Филиппахъ, хотя и не очень храбро, за римскую республику, мы находимъ впоследствии въ рядахъ сторонниковъ Октавіана, и притомъ—передовымъ глашатаемъ его политической реформы. Какъ согласить это противорѣчіе? Какимъ образомъ, безъ оскорбленія вѣковыхъ преданій своего народа, могъ Гораций сдѣлать этотъ историческій шагъ отъ одной крайности къ другой?

Для оцѣнки Горация, какъ нравственной личности, недостаточно остановиться на фактѣ, что онъ изъ республиканца сдѣлался впоследствии другомъ Августа. Дѣло въ томъ: произошла ли эта перемѣна въ душѣ поэта отъ какого-нибудь эгонистическаго и корыстнаго разсчета, или была слѣдствіемъ искренняго его убѣжденія въ необходимости для Рима политики Октавіана. Затѣмъ слѣдуетъ рассмотреть, имѣло ли это новое убѣжденіе Горация разумное основаніе.

Странно обвинять человека зрѣлыхъ лѣтъ въ томъ, что онъ не остался постоянно такимъ же юношей, какимъ былъ когда-то. Съ лѣтами надъ безотчетнымъ чувствомъ беретъ верхъ холодный разсудокъ. Необходимость подобнаго измѣненія заключена въ самой природѣ человека, физической и нравственной, и потому не только психологія, но и физиологія достаточно уясняютъ намъ причины этого явленія. Одновременно съ силами, дѣйствующими въ тѣлѣ человека, происходитъ процессъ развитія въ духовномъ его составѣ. Не излишне ли послѣ этого предлагать вопросъ: отчего Гораций въ сорокъ лѣтъ былъ не такимъ, какимъ онъ былъ въ двадцать? Это другими словами: отчего Гораций не остался вѣчно юнымъ? Отъ того, отвѣтимъ мы, что это была натура самостоятельная и способная къ развитію, которая не могла остановиться на первыхъ впечатлѣніяхъ юности. Есть, конечно, не мало людей, которые останавливаются на нихъ, въ которыхъ эти впечатлѣнія опредѣляютъ весь послѣдующій характеръ ихъ жизни. Гораций не